

ВИТАЛИЙ АВЕРЬЯНОВ

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА

И НАЦИОНАЛЬНЫЙ
МИФ

Виталий Владимирович Аверьянов
Ментальная карта и
национальный миф
Серия «Документальный триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66652550

Ментальная карта и национальный миф:

ISBN 978-5-00180-214-3

Аннотация

В книге известного философа, одного из учредителей Изборского клуба представлены его новые философские и культурологические работы, а также публицистические статьи, объединенные темой национального пробуждения патриотического интеллектуального класса.

Вся книга вращается вокруг цивилизационных кодов, ключевых мифов, народных «мемов» – из чего вырисовывается своеобразный портрет русского антропологического типа как он явился в истории (ментальная карта). Представлены результаты многолетних исследований национального характера, культурно-языкового тезауруса, национальной «картины мира», осуществляемых командой созданного и возглавляемого Виталием Аверьяновым Института динамического консерватизма.

Автор погружает читателя в атмосферу резонансного диалога с богатым арсеналом отечественной и мировой культуры, ее мыслителями, мифотворцами, поэтами, прозаиками, языковедами, кинематографистами и т.д.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1	12
Противопоставлять родину истине – это самообман	12
Доклад в Пекине	31
Памятники Ивану Грозному нужны во многих городах, и в Москве тоже	41
Немецкие репарации России актуальнее холокоста	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Виталий Владимирович
Аверьянов
Ментальная карта и
национальный миф**

© Изборский клуб, 2021

© Аверьянов В. В., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Вместо предисловия **О русском реакторе:** **кто поднимет знамя?**

Вопрос о русском реакторе – это вопрос религиозной борьбы, духовной брани.

Главным даром и ресурсом развития России является ее народ – совершенно уникальный исторический резервуар, в котором тысячелетиями накапливался и сохранялся огромный духовный, ментальный и нравственный потенциал. Основная масса нашего крестьянского народа жила на грани нищеты, в бедности, иногда переходя грань нищеты, и в то же время она жила в праведности и на грани святости, иногда и эту грань переходя.

Когда мы говорим о том, что происходило, допустим, в Советском Союзе в 30-е и в 40-е годы, то одно из главных объяснений тайны советского проекта заключается в том, что этот резервуар был разогрет: он зашипел, он произвел огромную энергию, которая в нем тысячелетиями накапливалась.

Но не один Сталин был мастером работы с этим резервуаром, это были в свое время и Сергей Радонежский, который свою модель Святой Руси предложил, и Александр Невский, и Иван Грозный, и Суворов... Гениальность этих фигур за-

ключалась именно в их способности вступить в конструктивный разговор со своим народом, вступать в отношения глубинного диалога с этим самым резервуаром русского духа.

Что можно в этой связи сказать о сегодняшней эпохе? Безусловно, во время «крымской весны» намек на апелляцию к этому резервуару был обозначен. Кто его обозначил? Его обозначил Путин? Его обозначили какие-то части элит? Его обозначили низы общества, которые сами восставали, скажем, в Крыму? Мне кажется, что это было историческое чудо, где вмешались высшие силы и повели дело наперекор всем планам и прогнозам. И эти силы дали нам нечто вроде намека – в том числе и Путину, и политическим элитам, и всем нам. А смогли или не смогли мы этот намек считать – это уже другой вопрос. Кто-то смог, а кто-то не смог.

Поэтому для меня вопрос русского реактора – это вопрос того, что у нас как у народа есть огромный потенциал, который представляет существенную опасность для субъектов глобализации. Именно это является главной причиной того, что Россия находится в определенной осаде. Причем дело даже не в санкциях, а в том, что неразвитие России является условием приемлемости политического режима, который в России правит.

Ведь действительно, с одной стороны, было сказано президентом о сакральности Крыма, что многих из нас вдохновило. С другой стороны, буквально в те же месяцы, выступая перед клубом лидеров, он очень странно говорил о патрио-

тизме. Он говорил о том, что патриотизм фактически сводится к интересам маленького человека, к интересам потребителя.

В чем секрет этого парадокса? Мне кажется, объяснение заключается не в каком-то недомыслии, а в том, что есть определенные неизвестные нам взаимоотношения верховной власти России и мировой финансовой олигархии. Может быть, власть и хотела бы пойти изборским путем, о котором грезят миллионы лучших людей России, но ее маневр ограничен условностями, достаточно жесткими, о которых мы, возможно, не все знаем.

И здесь вопрос: к кому нужно апеллировать, к кому обращаться призывы? К нашей политической элите, к нашей власти? А может быть, вопрос должен быть задан как раз тем субъектам, которые реально решают, где и во что в мире нужно инвестировать капиталы, реальными хозяевами которых они являются?

Но они, эти самые глобальные субъекты, думают, что Путин с их воли, с их согласия получил власть. Они не понимают, что власть в России дается Богом, а не мировой олигархией. И это совсем другой Бог, чем их бог.

Вопрос о русском реакторе – это вопрос о религиозной борьбе. В конечном счете это религиозный вопрос. Это нельзя понимать в узком смысле – что, допустим, Русская православная церковь должна подняться и повести за собой народ. Этого не будет по понятным причинам. Но ответить на по-

ставленные вопросы может только субъект метафизический, религиозный, а не экономический аналитик, живущий внутри своего дискурса. Потому что у нас в Изборском клубе собрались лучшие экономические умы страны, и эти лучшие умы уже не одно десятилетие бьются головами о непреодолимую стену, пытаясь ее прошибить.

Значит, наша энергия заперта, значит, нужно искать другие пути, перенаправить поток наших усилий в обход этой стены. Может быть, имеет смысл направить его на прорыв в духовно-гуманитарной сфере? Почему Изборский клуб не может сегодня предъявить духовную альтернативу? Есть такая страна Иран, такая же имперская страна, как и Россия, не обладающая нашим военным потенциалом, которая продержалась под санкциями более 30 лет. Почему бы не взять пример с нее в этом вопросе, делая поправку на то, что у нас другая ведущая религия?

В духовно-гуманитарной сфере мы могли бы сегодня предложить качественно новые системные решения. Наши друзья сегодня возглавляют и Министерство образования и науки, и Министерство культуры. Есть определенные позиции и в главных федеральных СМИ. Почему бы не предложить институционализировать некую общественную структуру, которая могла бы помочь нашим единомышленникам? В Изборском клубе есть кадры, которые могли бы осуществить нечто вроде микрореволюций в этих сферах (взять хотя бы А.А. Агеева или Г.Г. Малинецкого в сфере образования и

науки). А такие микрореволюции привели бы к цепной реакции изменений и в других сферах, безусловно.

Если не ставить вопрос таким образом, то мы находимся в тупике, потому что та сторона в этой «религиозной войне» прекрасно знает, чего хочет. Она очень хорошо организована. Если они обвалят нынешнюю власть, то, в отличие от нас, они знают, как ее подобрать. Значит, нам нельзя допустить разрушения власти и нынешней конструкции государства. В противном случае, в очередной раз ввергнув Россию в хаос, они очень высокими темпами, еще быстрее, чем в 90-е годы, будут растлевать, отуплять, «омамонивать» русский народ, то есть превращать его в слугу Мамоны и тем самым до конца изничтожать тот святой резервуар, о котором я говорил в самом начале.

Болотная в Москве и Майдан в Киеве – это одна и та же рука, которая действовала в разные исторические моменты, как бы ударяла в разные точки. Сначала в Москве у нее не получилось, потом она ударила в Киеве. В то время, когда проходила Болотная, их называли во власти «лучшей частью нашего общества». Каковы же ценности и идеалы этой «лучшей части»? Они сводятся к священному праву частной собственности, к благодати богатства и к свободе, которая понимается так, как она понимается в лозунге сатанистов: «Do what you will».

Мамона – по этимологии «ма'амон» – переводится как «ценности, взятые в залог», иными словами, это религия

кредита. Главное в религии кредита вовсе не получение процента, а завладение залогом. А в залог стремятся получить все целиком, всю страну, поэтому и проценты кредитные такие высокие. Инвестор не заинтересован в способности залогодержателей возвращать кредиты, ему нужна взятая в залог страна, и, соответственно, ее неразвитие для него – важнейшая ценность.

Наши политические элиты расколоты и в то же время в большинстве своем двоедушны, они пытаются служить двум богам: носят на груди крестик, но все время переворачивают его на спину, когда приближаются к другому своему богу – Мамоне.

Еще раз повторюсь: главная опасность для мировых субъектов заключена в нашем народе, который уже неоднократно обманывал их ожидания. Им не понятно, что этот удивительный народ может «выкинуть» в очередной раз, на очередном историческом повороте. Вместо того чтобы наоткрывать мелкобуржуазных лавок, как все «нормальные народы», с радостью пошедшие в их кабалу. И этот русский реактор, который, конечно, не умирал и не засыпал – ниточка протянута была над бездной и в 90-е годы, – нуждается в том, чтобы нашлись люди, которые сегодня подняли бы знамя «религиозной войны», духовной брани, если быть более точным в определениях.

Впервые опубликовано в газете «Завтра», 20.04.2017

Часть 1

Национальное пробуждение

Противопоставлять родину истине – это самообман

«Совершенно не обязательно называть русских «старшим братом», но все мы, независимо от этничности, являемся частями Русской цивилизации», – полагает писатель и философ Виталий Аверьянов. В интервью «БИЗНЕС Online» в канун 4 ноября 2016 года он рассказал, как идет переломный процесс отсеивания офшорных аристократов от служилых людей и в чем была гибельность ленинского пути заигрывания с этнократиями.

«Из 4 ноября вырос не только “Русский марш”, из него выросли впоследствии и “Русская весна”, и “Бессмертный полк”»

– Виталий Владимирович, вы согласны с тем, что 4 ноября как красный день календаря появился в противовес 7 ноября? Что касается последней даты, то ее в последнее

время попытались свести к годовщине военного парада на Красной площади 1941 года. Налицо – война смыслов: 4 ноября как символ возрождения державы после Смутного времени и 7 ноября как символ гибели той же державы в огне революции. Но перевесят ли в восприятии народа 4 ноября и «парад на Красной площади» (тоже державный, сталинский) «праздник Великого Октября»?

– В вашем вопросе слышится отзвук дуальных схем, которые навязывались нам в 90-е годы. Тогда пытались внушить, что могут быть только «демократы» и «коммунисты», только движение «вперед» и «назад» и что ничего третьего быть не может. 4 ноября по своему смыслу – это не антисоветский и не просоветский праздник, это символ чего-то третьего. Я помню, как первоначально обсуждалась идея этого праздника, она шла из кругов, близких Православной церкви, и воспринималась именно как «третий путь». Официально авторами идеи выступили члены межрелигиозного совета России. Я уверен, что в замысле патриарха Алексия и его коллег не было желания наносить удар по коммунистам, они исходили из других целей.

Другое дело, что этой инициативой воспользовались политики. И здесь вы правы. Истолкование 4 ноября как контртезы к 7 ноября справедливо именно в плоскости политтехнологий. Но жизнь в эту плоскость целиком никак не помещается. И если политические кукловоды хотели использовать 4 ноября для ослабления КПРФ (примерно так же,

как чуть раньше партию «Родина» в 2003 году использовали для «отъема голосов» у коммунистов), это не значит, что для нас, людей, не занимающихся политтехнологиями, это главное. Выборы прошли, а праздник остался. И хитрецы, которые манипулировали на выборах, перехитрили сами себя.

— Однако в первые годы после появления праздника создавалось ощущение, что его празднуют только активисты «Русских маршей»...

— Я думаю, что из того же духа, который породил идею праздновать 4 ноября, вырос не только «Русский марш», из него выросли впоследствии и «Русская весна», и «Бессмертный полк». И это действительно нечто третье, уже не советское и в то же время не либеральное, не проолигархическое. Кстати, дух этот не отрицает советского прошлого, среди его носителей много советских патриотов, много сталинистов, много людей социалистических идеалов. Не все, правда, отчетливо представляют себе смысл 4 ноября – в силу плохого знания истории, нечувствия к православной символике (Казанской иконе Божией Матери) и тому сплаву церковных, народных и государственных смыслов, который был до революции. Основные СМИ у нас с 2005 года заняли к этому празднику позицию «глухой обороны», и, заметьте, они это делают не из глубоких симпатий к 7 ноября.

Вряд ли когда-либо большевистский переворот вернется в своем пафосе в народное сознание. Но 7 ноября – это нечто гораздо большее, чем событие 1917 года. Это символ целой

эры: советского праздника, советского быта, советского духа любви, который жил в нашем многоэтничном народе. Все это очень дорого людям. И конечно, очень значим и символичен парад 1941 года. Его странно было бы противопоставлять дате празднования революции, и в то же время центр тяжести в современной ментальности смещается с троцкистско-ленинской авантюры к великой битве и победе. Он смещается с 1917 года (года смуты, предательства, масонских игр в политику, мародерства и дезертирства) к 1941 году (году всенародной жертвы, перехода от отступления к контрнаступлению, величия духа). Мне кажется, что эта тенденция здоровая.

Во многом не благодаря, а вопреки политической воле основных действующих лиц власти в России наступает новая эпоха. Происходит то, что должно происходить. Олигархи, режимы, чиновники приходят и уходят, сменяя друг друга, а Русский мир останется и будет прирастать дальше.

«Будущая идеология “Пятой империи” будет во многом евразийской»

– Считается, что Владимир Путин возрождает СССР как «единую семью народов», но можно ли возродить «красную державу» без ее коммунистической идеологии? Или же какая идеология может прийти на смену научному коммунизму? Евразийская?

— Любой честный философ признает, что советская школа мышления остается на сегодня образцом интеллектуальной дисциплины. Это очень важно для всех, кто занимается мировоззрением. В каком-то смысле эта дисциплина мышления должна возвращаться. Но вряд ли вместе с ней вернется марксистская идеология. Собственно, Владимир Путин и не занимается возрождением «красной державы». Он в лучшем случае возрождает тысячелетнюю державу.

Сложность нашего момента в том, что сегодня единственными реальными консерваторами в стране являются советские патриоты. Ведь все остальные эпохи уже слишком далеко в прошлом. СССР, сделанное и построенное в нем продолжает все еще питать и согревать нас. Советское под рукой – оно живо даже в лице носителей советской школы во всем: в науке, индустрии, образовании, обороне и т. д. Патриоты-монархисты, патриоты-реконструкторы древних битв во многом несут на себе печать постмодернизма. Их консерватизм сам по себе неплох, но довольно абстрактен.

Многим кажется, что возрождение традиций и духа стабильной державы несет в себе сугубо «советское начало». Это иллюзия, и она пройдет со временем. В то же время мы обязательно будем брать в будущее многое из советских ценностей, таких как связь прав граждан с их обязанностями перед обществом, инновации как локомотивы развития, целенаправленное формирование общественных фондов потребления в интересах всех членов общества, а не в «коммерче-

ских» интересах. Здесь и поднимающий, а не опускающий вектор в СМИ, массовой культуре, образовании. Здесь и советское стремление трудиться не «на кого-то», а «ради чего-то», желание строить настоящее не в угоду инвестору, а ради детей, будущих поколений. Это вещи, в которых СССР доказал свою правоту и силу. И сегодня это все более и более очевидно для большинства людей.

Среди тех, кто отрицает советский строй, есть и люди убежденные, есть и люди пострадавшие (к примеру, родственники репрессированных, раскулаченных и т. д.). Да мы все, в общем-то, пострадавшие. Но движущей силой борьбы с памятью о советском прошлом являются другие люди, довольно могущественные, – это те, кто построил свое благополучие и свою «элитарность» на приватизации советского наследства. Им просто невыгодно, чтобы народ понимал, кто все это реально построил, кто ради этого жертвовал куском хлеба, сном, а порою и жизнью. Это опасно для них.

Что касается евразийства – да, оно все больше доказывает свою объяснительную силу. Проблема евразийства в том, что оно очень разрослось и у него нет на сегодня единого идеологического канона. В этом плане оно проигрывает марксизму-ленинизму. Однако будущая идеология «Пятой империи», о которой мы говорим, будет во многом евразийской. Это так потому, что Россия в действительности является уникальной северо-евразийской цивилизацией. Учение евразийцев довольно точно описывает «экологическую ни-

шу», которую мы исторически заняли и которую нам подарил Господь Бог.

– В свое время «красная идея» победила, не в последнюю очередь благодаря гибкой национальной политике своих носителей. Как вы оцениваете современную национальную политику Кремля?

– Что касается гибкой национальной политики Ленина, то важно понимать, что его модель федерализма строилась в расчете на скорейшую мировую революцию. И поэтому очень скоро данная модель превратилась в анахронизм – в СССР никто всерьез не воспринимал эту модель. Был единый союзный бюджет, была единая партия, которая фактически управляла государством. Как только эта система ослабла, заложенные Лениным федералистские принципы сработали как взрывной механизм.

Причем народы СССР в основном не желали развода. Их развели зарубежные силы, которые прекрасно сыграли на амбициях и корыстных интересах этнократических элит. С этими элитами была предварительно проведена серьезная работа, фактура и теория которой беззастенчиво описаны у Збигнева Бжезинского, например.

Современная национальная политика в России очень слаба. Недавно принята новая стратегия национальной политики, которая слегка подновляет ельцинскую модель, но по существу мало что меняет. А ведь при Ельцине усилиями политиков того времени была воспроизведена фактически ру-

софобская модель национальных отношений. Ельцин отказался почти от всего советского наследия, но вот ленинские принципы в этой сфере он почему-то не стал ломать.

На днях мы провели в Общественной палате слушания на тему «Русско-кавказской инициативы». Ряд северокавказских организаций в союзе с русскими патриотическими организациями выступили с настойчивым пожеланием закрепить в законе государствообразующий статус русского народа. Я говорю «закрепить», потому что статус этот де-факто уже признан на самом высоком уровне (об этом говорили в последние годы и президент, и патриарх). Инициативу поддержали многие национальные общины России, и работа по сбору откликов на нее продолжается.

«В России не должно быть “нацменов”, но должны быть русские великороссы, русские татары, русские адыги, русские буряты»

– Почему так важно признать русский народ государствообразующим? Может ли еще какой-то народ из проживающих в РФ претендовать на эту роль?

– Звучат разные предложения: придать всем народам России статус соучредителей государства, ввести категорию «права народов». Но если бы мы дали статус государствообразующих всем народам, то смысл статуса был бы утрачен.

Ведь этот статус нужен не как декларативная запись в

Конституции или каком-то законе. Его смысл состоит в двух главных вещах. Во-первых, он позволит выстраивать более гармоничную национальную политику, когда права и интересы русских будут учитываться и соблюдаться по всей России, на всех уровнях власти и во всех институтах общества. Во-вторых же, и это не менее важно, такой статус позволит русским вновь по праву взять основную ответственность за межнациональное согласие в стране и за сохранность своеобразия всех народов, включая малые. Именно этого ждут от русских в самой России. Да и народы бывшего СССР ожидают, когда же бывший «старший брат» возьмется за ум. Во всяком случае, так думает старшее поколение везде, где раньше была единая страна.

И совершенно не обязательно называть русских «старшим братом». Наоборот, признание статуса откроет путь к другой истине: все мы, независимо от этничности, – части Русской цивилизации, ее носители. Само выявление понятия «Русский мир» в его современном понимании содержит в себе преодоление узкого понимания русскости. Ведь к Русскому миру относятся по праву не только восточные славяне, а все носители Русской цивилизации. Мы объединены общей судьбой, трудом и подвигом предков. Стыдливо-боязливое отношение к слову «русский», которое навязывалось сверху, уходит в прошлое.

По выражению Путина, в России не должно быть «нацменов», но должны быть русские великороссы, русские татары,

русские адыги, русские буряты и т. д. В этих словах президент идет по стопам видного теоретика национальной политики Ивана Ильина. Ильин писал о том, что России свойствен «иоанновский дух», который незаметно пронизывает и пропитывает все народы, идущие рядом с русскими, и делает их родственными по духу, во многом ближе к русским, чем к их единоверцам и родственникам в других странах.

В правовом плане Россия должна представлять собой коалицию, братский союз народов, каждый из которых имеет равные права, но и несет равные обязанности перед державой. По просьбе режиссера и депутата Владимира Бортко, нашего друга, мы пытаемся найти правовую формулу, которую можно было бы внести в Конституцию. Вот такая формула была озвучена мной на нашем заседании:

«Мы, русский народ и присоединившиеся к нему народы, исторически образовали государство Россия и совместно развивали Русскую цивилизацию. В России мы видим гарантию сбережения и воспроизводства наших народов, их культурной и нравственной идентичности, их традиционных ценностей, их права на самобытность и своеобразие, которое не должно попираться и размываться во имя утверждения в ущерб им иных видов прав и свобод».

Удивительно, что во главе «Русско-кавказской инициативы» встали адыги – народ, который более других пострадал в Российской империи в ходе «замирения Кавказа». Но этот народ дал и целую плеяду героев Великой Отечественной

войны, в том числе и Героя Советского Союза Андрухаева, политрука, подорвавшего себя и фашистов связкой гранат со словами «Русские не сдаются!» (*Хусен Андрухаев*, адыгейский журналист и поэт, погиб в ноябре 1941 года в возрасте 21 года – *прим. ред.*).

– А как, в принципе, национальный вопрос разрешается в евразийстве, и в чем отличие этого решения от ленинских заветов?

– Интернационализм и евразийский национализм – это диаметрально противоположные подходы. Сталин в реальной практике был в большей степени евразийцем до евразийцев, и хотя ему не удалось переспорить Владимира Ленина в 1922 году, впоследствии он «отыграл» многие вещи в национальной политике. Правда, на это ушли многие годы. В целом в середине 30-х годов Сталин уже остановил так называемую коренизацию кадров (данная кампания в 1937 году была заменена умеренной русификацией – *прим. ред.*) в партийном и государственном аппарате союзных республик и повернул ее вспять. Тем не менее, Сталин не закрепил свою позицию в правовом отношении. Юридически СССР и РСФСР строились по ленинским лекалам до самого распада державы.

Письма и записки Сталина Ленину в 1922 году показывают, что он был, конечно, не «великорусским шовинистом», а исходил из заботы о прочности государства. И стратегически он оказался, безусловно, прав. Хотя тактически Ленин

был более точен в оценках событий – он сумел привлечь на свою сторону тех, кого Сталин называл «национал-независимцами».

Ленин вступил на путь заигрывания с этнократиями. Когда центр слаб, это приходится делать, чтобы собрать рассыпающуюся страну. То же самое делал и Борис Ельцин, и даже после Ельцина местные элиты торговались с центром, выпрашивали себе преференции в обмен на лояльность. Это порочная политика. В 90-е годы шла игра с огнем – и чеченская война показала, как далеко эта игра могла завести. Если бы не мудрость народов России, парад суверенитетов мог бы привести к ее распаду. Неорганичная для нашей страны модель Тишкова и его единомышленников о «российской идентичности» была весьма удобной для такого распада (*Валерий Тишков*, российский этнолог и социальный антрополог, был министром по делам национальностей в 1992 году, утверждает, что русского народа как этнической общности не существует вообще. – *прим. ред.*). Слава богу, этого не произошло.

Называясь россиянами, представители меньшинств от этого не становились ближе ни к себе самим, ни к русскому народу. Либералы-ельцинисты фактически терроризировали патриотическое крыло с помощью нехитрой манипуляции на мнимых противоречиях интересов русского большинства и этнических меньшинств. И сами местные элиты, взращенные либералами, несли в себе нечто противоре-

ственное. Разве естественно, к примеру, для мусульманина грозить Москве сепаратизмом и при этом апеллировать к Вашингтону и Брюсселю, к абстрактным правам человека? Там ли подлинный источник права для мусульманина? Там ли суверен для коренных народов России? Или западная политкорректность и толерантность чем-то лучше многовековой терпимости, которая культивировалась у нас? Либералы как будто нарочно вскармливали внутри России антипатриотизм. Самое же главное, что эти местные национализмы не были нужны самим народам, а нужны были лишь паразитическим этнократиям, пытавшимся встроиться в новый «глобальный порядок» за счет России как целого.

«Нам необходим глубокий синтез советского модерна и русского традиционализма»

– В царской России интеллигенция считалась носителем левой идеи, в то время как правительство рассматривалось как оплот правой консервативной идеологии. В СССР Кремль – формально или на самом деле – стал левым в политическом смысле, а часть интеллигенции резко поправила. Как сейчас, на ваш взгляд, выглядит расстановка сил на идеологическом поле? Кто представляет левых, а кто – правых? Нет ли путаницы, когда, к примеру, левых по своим взглядам Александра Проханова или Максима Шевченко считают консерваторами? Или прежние критерии больше

неактуальны?

– Сегодня нужны более точные термины. Неолибералы, или западники-глобалисты, – это точный термин. Советские консерваторы (патриоты) – это точный термин. Русские православные традиционалисты – это точный термин. Сторонники национальной диктатуры – это достаточно точно, хотя и непривычно. Поэтому нет ничего странного в том, что Изборский клуб считают консервативным. Это клуб государственников, патриотов разных оттенков – они являются консерваторами в том плане, что выступают за ценности национального большинства: за отечество, за религиозную традицию, за символы великих побед прошлого, за инновационное, научное и промышленное развитие, за те советские ценности, которые я перечислял выше. Нам необходим глубокий синтез советского модерна и русского традиционализма – это и есть платформа Изборского клуба.

Казалось бы, нас могло бы разъединять отношение к смутам: кто-то более благосклонно смотрит на смуту 1905–1920 годов, а кто-то – на смуту 1988–2000 годов. Мое мнение, выражаясь как Иосиф Виссарионович: обе хуже. Наша сила в том, что мы преодолеваем эти «черные дыры» своей историей и сшиваем ее, признавая ценный опыт и самодержавной России, и советской сталинской империи. Дух революционеров-террористов, дух февралистов, так же как и дух «демократов» перестройки и ельцинщины, враждебен национальной традиции и разрушителен. Против него и восстали кон-

серваторы. И Шевченко, и Проханов были на Поклонной, а не на Болотной площади. Менее чем через год родился Изборский клуб, чтобы придать форму энергии Поклонной, которая не была какой-то искусственной массовой, а стала новой вехой в нашей истории. Доказательство тому – «Русская весна» в Крыму и на Донбассе, которую поддержали десятки миллионов людей по всему Русскому миру.

– *Есть ли, на ваш взгляд, у современного Кремля концепция «народного единства»? Вокруг чего должен объединяться народ – вокруг идеи «сильного государства», вокруг вилл и яхт олигархов, вокруг швейцарских часов патриарха etc.?*

– Убедительной концепции пока нет. Такой концепцией могла бы стать двухконтурная доктрина Русского мира. Что это такое? Есть контур государственного патриотизма, есть контур народного патриотизма. Дело в том, что Русский мир активнее и пассионарнее государства, он способен подстегивать государство и опережать его. И в то же время русский народ не может без государства, оно не всегда справедливое, не всегда симпатичное, не всегда милосердное, но необходимо ему для фиксации его собственных достижений и побед.

Этот праздник, День народного единства, подчеркну еще раз, символизирует не победу, которую народ одержал над нашествием по приказу власти, он символизирует победу народа над собственной неорганизованностью, над своей неспособностью к подлинной гражданственности и ответственности. Это дата рождения Русского мира как всенарод-

ного победоносного ополчения. Я уже говорил, что этому духу соответствует и нынешний дух «крымской весны». Пока не понятно до конца, можно ли все это соединить в календарных датах. Думаю, и не нужно это соединять, пусть дух Русского мира, дух Минина и Пожарского, дух Крыма и Донбасса 2014 года, дух «Бессмертного полка» разольются по всему годовому циклу. И пусть появятся новые даты и праздники. При этом 7 ноября в данном контексте обретет свое достойное место в национальном календаре – оно будет символом наших советских парадов, нашей славы.

Концепция народного единства должна прийти не из Кремля, а снизу, и, по-моему, она уже не за горами.

«Секрет успеха “внешнего управления” не в силе Запада, а в слабости Москвы»

– 4 ноября, кроме прочих смыслов, символизирует освобождение России из-под власти иноземных шляхетских кланов. В то же время стало общим местом говорить о том, что РФ до сих пор находится под «внешним управлением», поставив свою экономику, банковскую систему и пр. в прямую зависимость от Запада. Насколько это так, и не выглядит ли на этом фоне 4 ноября упреком современному Кремлю?

– 4 ноября главная победа была не над поляками, а над переметными боярами, над духом Семибоярщины, над ду-

хом мародерской вольницы. Ведь секрет успеха «внешнего управления» не в силе Запада, а в слабости Москвы.

Сейчас идет переломный процесс – отсеивание козлиц от агнцев, «офшорных аристократов» от подсанкционных «служилых людей». Да, государство наполовину еще старое, олигархическое, оно так и не вышло до конца из состояния «недружественного поглощения» мировыми финансовыми кланами.

Вообще разорвать с мировыми воротилами не так легко. Некоторые историки считают, что Сталин играл на противоречиях между ними, но и находился в зависимости от них едва ли не до 1946 года. И это притом, что они зарабатывали на мировых войнах триллионы, наживаясь на поставках всем воюющим сторонам. И только с приходом Трумэна, когда были попорчены ялтинские обещания Рузвельта, Сталин пошел на жесткий разрыв с Западом в целом. Тогда-то и началась холодная война.

Сейчас мы стоим на пороге подобных решений, может быть, незаметно для себя мы уже преступили этот порог?

– *Что такое «огненный патриотизм», о котором вы говорили сравнительно недавно? На каких чувствах и идеологиях он должен базироваться? Чаадаев, к примеру, утверждал, что не через Родину, а через Истину лежит путь на небо. Что важнее: Родина или истина?*

– Хороший вопрос. Огненный патриотизм – это связь Родины с сакральным. Здесь мы с Петром Яковлевичем не со-

шлись бы. Он в этом случае явно перемудрил. Чаадаев ведь, как известно, послужил прототипом грибоедовского Чацкого – ему было свойственно то самое «горе от ума». Противопоставление же Родины и истины в моем понимании есть самообман. Потому что Родина, родной народ, родная культура для полноценного человека не должны быть какими-то внешними субъектами, которым он «присягает» на верность. Они должны быть частью его существа. Вырви эту часть из человека – он станет дупловитым, пустым внутри. В таком человеке истине опереться будет не на что.

Что я имел в виду под огненным патриотизмом? Я говорил тогда о причинах падения России в 1917 и в 1991 годах – и одной из причин этих падений я назвал **казенный, бездушный «патриотизм», который губил нашу страну изнутри. Он был холодный, формальный, лишенный огня, пошлый, потому что исходил от людей, внутренне изверившихся, уже предавших свои идеалы. Василий Розанов писал об этом: чиновники в современной цивилизации превратились в граждан по найму, в наемных граждан. Если кто-то отождествляет понятия «Родина» и «государство» и на этом основании критикует «родину», то мне в этой связи вспоминаются известные строки из песни:**

И еще запомни, друг мой милый:
Нынче мало родину любить.

Надо, чтоб она тебя любила!
Ну а это надо заслужить!

(Из песни «Откровенный разговор» на стихи поэта Сергея Смирнова и музыку Александра Вертинского – *прим. ред.*)

В годину испытаний мы нужнее Родине, чем она нам, она нуждается в нашей защите – как мать, как жена, как дочь... Я бы так ответил Петру Чаадаеву: истина в том, что путь на небо лежит через любовь к Родине. Тот же Иван Ильин формулировал так: «Человек может найти общечеловеческое, только углубив свое духовно-национальное лоно до того уровня, где живет духовность, внятная всем векам и народам».

Никакого другого пути к общечеловеческому, вернее ко всечеловеческому пониманию жизни, а значит, и к небесному взгляду на мир просто не существует.

Доклад в Пекине

Доклад на конференции «Россия и Китай в меняющемся мире»

5 мая 2015 года

Обсуждение в последние годы в китайском обществе идеала «китайской мечты» активизировало и соответствующие поиски в российском обществе идеалов «русской идеи», «русской миссии», «русской мечты», которые, казалось бы, после бурных дискуссий прошлого несколько поутихли. Для сообщества экспертов Изборского клуба эта проблематика носит первостепенный характер – при этом сам наш клуб возник как соединение и пересечение нескольких идеологических направлений национально-патриотического толка.

Вопрос о реидеологизации российской политики и власти в России имеет для Изборского клуба однозначное решение – такая реидеологизация безальтернативна, более того, она уже началась. Симптомы этого собраны нами в цикле работ «Путин в зеркале Изборского клуба», который мы выпустили в свет в начале прошлого года, а также цикле работ о «новой холодной войне» Запада против России, который опубликован несколько месяцев назад. Эти темы свидетельствуют о глубокой актуальности наших разработок. В то же время наш клуб в целом ряде своих докладов дал эскиз новой

идеологии возрождения России, который, как мы надеемся, станет вкладом в будущую национальную стратегию.

Русская идея представляет собой долгий, продолжавшийся несколько веков философский диспут, в результате которого Россия породила несколько важных мировоззренческих результатов, применимых не только у нас, но и в других культурах и цивилизациях.

К таким результатам можно отнести саму постановку вопроса о множественности цивилизаций и развитие в этой связи теории. Традиция учения о параллельном развитии множества самостоятельных высоких культур, созданная Николаем Данилевским, Николаем Трубецким, Пителимом Сорокиным, Львом Гумилевым, оплодотворяет собою мировую социальную мысль и социологические науки.

В качестве мощного направления мировой мысли, далеко выходящего за рамки русской цивилизационной специфики, выступила евразийская традиция (Н. Трубецкой, П.Савицкий, А. Панарин и др.) – именно евразийская модель мироустройства способна сегодня стать авторитетной методологией международных дел и международного сотрудничества на исходе новой «холодной войны», в деамериканизованном мире. Евразийская теория уже оказалась востребована странами третьего мира. Учение об антизападной контрэлите, развитое отцом-основателем евразийства Николаем Трубецким, предвосхитило учения о политическом традиционализме у стран-колоний в ходе их деколонизации и обрете-

ния национальной независимости в 50–60-е годы. То же касается и учения о «зависимом развитии» в странах мировой периферии.

Также важную роль в самосознании местных политических сил сыграл опыт русского народничества XIX – начала XX века. Для Китая, стран Восточной Европы огромное значение имела русская интерпретация марксизма Лениным и затем развитие этой версии и ее трансформация у Сталина в его учении о «народных демократиях».

Решающее влияние на пути развития человечества в XX веке имел русский космизм (Федоров, Циолковский, Чижевский, Вернадский, Флоренский), показавший неотделимость земли от космоса и предложивший синтез науки и религии в свете стремления к «психократии», то есть власти духа над материей. Потенциал русского космизма, ставшего идейным вдохновителем космонавтики, на сегодня далеко не исчерпан.

Итогом многолетних исканий русской идеи может быть признание того, что Россия в своем историческом развитии дала плоды в виде не одной высшей «русской идеи», а целого соцветья «русских идей», образующих объемное пространство русских смыслов, русской культуры.

Парадигма национальной мечты и национальной идеи задана историческими прецедентами, к которым относятся и футуристичность в революционных обществах, и мечта о будущем и счастье грядущих поколений в СССР, и амери-

канская мечта об индивидуальном успехе простого человека, вырастающего в бизнесмена или звезду, и национальные идеи и стратагемы других народов. Сегодня мы можем уверенно говорить о **существенной переключке и параллелях между китайской мечтой и русской мечтой**. Для этого существует целый ряд знаковых совпадений и предпосылок.

И Китайская империя, и Российская империя пережили в XX веке «погружение» во мглу исторического небытия. Их отказ от имперских форм был скорее имитацией, временным – в крайне неблагоприятных обстоятельствах внешней среды – отступлением империи, а не ее настоящей смертью, как то хотелось бы западным наблюдателям. Парадокс развития России и Китая в XX столетии – через авангардный коммунистический проект наши страны вернулись к фундаментальным имперским основам своего существования.

И для Китая, и для России в качестве ориентиров движения к высшему состоянию цивилизации выступает синтез консерватизма и прогрессизма. Для Китая это означало соединение ценностей социализма с конфуцианством и духовными практиками древних «совершенномудрых» даосов, нанизывание исторических периодов друг на друга. Изборский клуб говорит о современной задаче преодоления раскола между красными и белыми, которая не была решена в эпоху перестройки и затем демократических буржуазных реформ в России. Под красными понимаются силы, отстаива-

ющие ценности социальной справедливости, строители социалистического проекта, под белыми – консерваторы и традиционалисты, а не либеральные силы Февральской революции 1917 года.

Общим для Китая и России в выстраивании ими образов своей мечты является противодействие разрушительному, идущему с Запада индивидуализму и атомизации общества. Даже сама «американская мечта» в значительной мере строится на успехе индивидуума вопреки и наперекор успеху других людей – то есть это успех за счет неуспеха других. Американские идеологи и Голливуд стремились скрыть подноготную суть капиталистического миропорядка, но для русской и китайской ментальностей, несмотря на соблазны и временные помрачения, эта суть достаточно очевидна.

Важным для русской ментальности является не только самосохранение своей культуры и своих ценностей, но и построение такой модели, которая позволила бы увидеть в ней носителям разных традиций своего защитника, мировоззренческого гаранта от глобальной нивеляции. Если определить ценностный вектор консервативного сопротивления, который сегодня может предложить Россия, в наиболее общем виде, то он направлен против трех ключевых трендов:

- а) против десуверенизации стран в пользу транснациональных корпораций и международных организаций;
- б) против дегуманизации, против трансформации представлений о добре и зле;

в) против создания кастового общества и неравенства наций и классов, против формирования новых поколений, легко манипулируемых режиссерами глобализации.

Говоря о новой модели мироустройства, более справедливой, чем нынешняя, можно исходить из того, что базовым принципом этой модели станет доверие. Это доверие будет покоиться на том, что у каждого из геополитических субъектов есть свои святыни. Уважение к святыням друг друга может быть достаточным основанием для союза против субъекта субверсии и разложения традиционных культур, совместного – глобального – ограждения себя и друг друга от сегодняшнего зла: такого как «радужная» эрозия, «оранжевая» анархия, «зеленое» мальтузианство (в образной терминологии Константина Черемных). В качестве ведущего постулата мирового развития – как его живой механизм – должно быть признано разнообразие культурно-цивилизационных кодов и своеобразие культурных типов. Это тот тезис, который роднит русское и китайское видение гармоничного будущего. Поэтому нам не стоит стесняться ни своего имперского прошлого, ни нашего имперского будущего, ведь наши империи будут не воспроизведением западных образцов колониальных работорговых империй, но человеческими и терпимыми. Мы используем для описания сущности Пятой империи России, которая должна утвердиться в XXI веке, понятие **империи халкидонского типа**, то есть гаранта бесконфликтного сосуществования религиозных и этнических групп. В

русском понимании империя нацелена на приобщение человека высшим ценностям (в пределе русский идеал – святость, Святая Русь, это универсалистский идеал, не ограниченный географически, идеологически, метафизически). В его нравственной подоплеке этот идеал перекликается с учением Конфуция.

Согласно многочисленным мотивам русских сказок гармонизация мира со стороны главного героя (Ивана-дурака, Ивана – крестьянского сына, Ивана-царевича) ведет к гармоничному ответу со стороны мира. Безусловно, народ не ведет в своих сказках речь о прямолинейной благодарности – речь идет скорее о формировании русского стратегического менталитета. Историей был воспитан народ, который в принципе пригоден к большой мировой миссии и воспроизводит ее исходя не из ожиданий сиюминутной отдачи или тем более прибыли, но целенаправленно – как духовную установку на преобразование мира.

В полной мере этот дух русского народа проявился в советский период. Об этом говорил Мао Цзэдун: «Наши друзья сочувствуют нам неподдельно, относятся к нам, как к родным братьям. Кто же они, эти люди? Это советский народ, это Сталин. Ни одна страна не отказывалась от своих привилегий в Китае, от них отказался только Советский Союз» (Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения. Т. 3. М., 1953. С. 190).

Вместо американской мечты и «стиля жизни» со ставкой

на индивидуальный успех Пятая империя предложит миру русскую всечеловечную мечту «общего дела», заразительную идею сплочения вокруг привлекательной задачи, радости от общего смысла жизни и общего успеха с приоритетами общественной целесообразности и социальной правды.

В русской ментальности статус правды завышен, она не просто человечна и не просто социальна, а поднимается очень высоко, вплоть до стыковки с объективной универсальной истиной. Правда воспринимается не как частное мнение и не как произвол господина, навязываемый другим, а как скрепа между разными субъектами, дающая им возможность взаимодействия. Здесь нам видится объективное, вычлененное на лингвистическом уровне приближение к тому нашему ментальному архетипу, который может претендовать на место цивилизационной миссии в условиях глобализации. Дело в том, что такое завышенное требование к правде означает и способность, и готовность прислушиваться к «иной правде». В этом скрывается глубокая человечность русской культуры. Этот же принцип проявляет себя как требование справедливости, правды не только внутри собственного народа, но и в отношениях с соседями, другими племенами, другими культурами. Этим объясняется необычайно притягательный дух России как империи, своего рода русский секрет овладения большими пространствами и гармонизации различных народов. Россия была империей, которая утверждала свою метафизическую правду не как част-

ность («наша правда» против «вашей правды»), а в качестве универсалии (вселенская правда России как мировой гармонии, как модели такой гармонии под эгидой «Белого царя»).

У русских и китайцев во многом есть общее понимание того, что ключевыми общественными ценностями будущего станут:

справедливость социальная, личная и небесная (в том числе и справедливость глобального мироустройства);

сакральность суверенного государства-субъекта в противовес «сервисному государству»;

отрицание необратимости торжества евроатлантической модели глобализации, открытость к многополярному миру с принципиально разными доктринами развития;

признание семьи (брака мужчины и женщины с рождением и воспитанием детей) как главенствующего института воспроизводства человека в его духовной сущности;

модель хозяйства достатка в противовес моделям сверхпотребления и homo economicus;

идеал демократии, который Запад превратил в инструмент подавления инакомыслия в других государствах, должен быть преобразован в идеал «подлинных народовластий», вытекающих из принципов и ценностей каждого народа. Таким образом, можно будет говорить о разнообразных «народовластиях», называя это слово

не на греческом языке – дискредитированный «демократизаторами» термин, – а на родных языках в каждой стране, очищая его от космополитического яда, примененного в политику всех стран в ходе глобализации и десоверенизации.

В этот новый мир, Второй мир, захотят постучаться и войти – по мере их развития и совершенствования, по мере осознания собственного достоинства – многие страны мировой периферии, которые сегодня обречены оставаться изгоями и «клиентами» глобальных финансовых правителей мира и политических вождей глобализации.

Памятники Ивану Грозному нужны во многих городах, и в Москве тоже

(Сайт Изборского клуба, 17.10.2016)

Споры вокруг установки первого памятника государю Ивану IV, казалось бы, утихли, но в связи с его открытием 14 октября в Орле снова разгорелись. Некоторые из телеканалов, в том числе федеральных, не удержались от глумливых комментариев и ноток напускной скорби. Вновь дали слово «градозащитникам» и «правозащитникам», вновь выступил с обличениями первого русского царя режиссер Лунгин. Он, по всей видимости, не может смириться с тем, что не возымел должного эффекта его фильм «Царь», который стал поистине позором отечественного исторического кинематографа.

Я имел возможность пространно излагать свое отношение к Ивану Грозному как исторической фигуре в нашей коллективной книге «Новая опричнина, или Модернизация порусски» (2011 года издания). Повторять свои аргументы сегодня я бы не стал. Скажу только, что многие «антигрозненские» мифы имеют ясное объяснение и конкретных заказчиков, в том числе политических. И надо сказать, что им удалось проделать огромную и успешную работу по очернению Ивана Грозного.

Кстати, о терминах. На Западе прозвание «Грозный» переводят как «Ужасный» (Terrible), тогда как каждому русскому человеку понятно, что следовало бы найти эпитет к слову «Гроза», к примеру по-английски *thunderous*, и не превращать создателя нашего государства в персонажа *dark fantasy*. Вообще же для культуры XVI–XVII веков это был эпитет скорее позитивный – он использовался в применении к высшим силам («Грозный Ангел», канон которому написал царь, Грозное Второе пришествие Спасителя и т. д.). Царь был человек серьезный, по выражению А.К. Толстого, и весьма религиозный – при глубоком погружении в источники становится трудно представить себе, что можно было извратить его образ в историографии до такой степени, до какой это сделано многими историками и писателями. Началось это еще во время Ливонской войны, когда была развернута мощная пропагандистская кампания русофобии, в центре которой находился образ русского царя. Важный вклад в эту кампанию и в последующую традицию очернения Ивана Васильевича внесли его личные враги: князь Курбский и иезуит Антонио Поссевино. Их выдумки и желчь стали важнейшей основой для всех дальнейших обличителей (Карамзина, Костомарова, в наше время Янова, и прочих, и прочих, несть им числа), а также для тех наивных исследователей, кто воспринял их мемуары некритически.

Сегодня хотелось бы сказать о том, что память о первом нашем царе, о его деяниях, а также о великой эпохе, кото-

рую он символизирует, чрезвычайно важна для нашего самосознания и, кроме того, исторически актуальна. Были заложены фундаментальные опоры в основание российской государственности, и мы на этом фундаменте развиваемся до сих пор.

Памятники государю Ивану Васильевичу нужны во многих городах, ведь он был величайшим градостроителем (было построено около 150 крепостей), создателем целой системы оборонительных укреплений, почтовой и дорожной инфраструктуры, не говоря о других не менее значимых его реформах и свершениях. И я думаю, недалек тот день, когда достойный проект памятника царю будет принят и в Москве. Хотя у нас здесь де-факто есть памятники Ивану Грозному, свидетельства его великого стиля – такие как Казанский собор на Красной площади, соборы в Новодевичьем монастыре и Троице-Сергиевой лавре, целый ряд памятников шатровой архитектуры. Но нужен и «буквальный памятник», куда мы могли бы приносить цветы в день Покрова Божией Матери, когда была взята Казань и Русь «приросла» Волгой во всей ее широте.

Немецкие репарации России актуальнее холокоста

(Zavtra.ru, 4.02.2015)

Депутаты Госдумы создают рабочую группу по предъявлению Германии иска по репарациям. Как отметил депутат Госдумы Михаил Дегтярев, с нашим союзником ГДР после войны было заключено соглашение о прекращении взимания репараций, с ФРГ и тем более объединенной Германией таких соглашений заключено не было. При этом, замечает Дегтярев, Германия выплачивала репарации даже странам, которых в войну вообще не существовало. Например, Израилю Германия безадресно заплатила свыше 100 млрд марок (€60 млрд) в рамках «возмещения национал-социалистических несправедливостей».

У России своя правда, и она должна быть донесена до каждого западного обывателя, а не только до политиков и дипломатов.

В течение двух десятилетий в постсоветской России целенаправленно пропагандировали тему холокоста, вводили специальные уроки и курсы в учебных заведениях, проводили мероприятия памяти холокоста и т. д. Делалось это с обоснованием профилактики националистических и фашистских настроений в обществе. Подобные мероприятия

проводились и на Украине – причем там это делалось с несколько большим основанием, поскольку на территории Украины в 1941–1943 гг. имели место систематические факты преследования и истребления евреев. Однако события последних двух лет ясно показали, что профилактика нацизма на Украине не сработала. Что касается России, то эта холокостная кампания производила такое впечатление, что она ведется не в стране-победительнице нацисткой Германии, а в стране-виновнице холокоста.

Гораздо актуальнее для нас тема компенсации того ущерба, который нанес России гитлеровский вермахт и его союзники. Слава богу, эту тему подняли наконец-то наши депутаты. Надо сказать, что постановка вопроса о невыплаченных репарациях совершенно справедлива и обоснована с исторической точки зрения. Мы должны громко заявить о том, что невыплата репараций из Западной Германии являлась вопиющей несправедливостью и одним из инструментов начинавшейся против нас холодной войны. Львиная доля вины за эту несправедливость лежит на вчерашних союзниках по антигитлеровской коалиции – на США и Великобритании. Именно Трумэн и Черчилль, воспользовавшись смертью Рузвельта в 1945 году и потрясая оказавшейся у них новой дубинкой атомного оружия, фактически забрали назад обещания о репарациях, данные Сталину во время Ялтинской конференции, утопили эти обещания в дискуссиях.

Рузвельт в Ялте согласился с формулировкой Сталина о

том, что «уровень жизни в Германии не должен превышать уровня России». В цифрах это означало, как тогда договорились, контрибуции в пользу СССР в размере 10 миллиардов долларов – товарами, оборудованием, приборами и рабочей силой. К 1945 г. потери Советского Союза были громадными. Западные регионы СССР лежали в руинах. Было разорено 1710 городов, 70 тысяч деревень, уничтожено 65 000 км железных дорог. При этом, несмотря на огромные повреждения, промышленный потенциал Германии не был разрушен (в 1945 году в результате анализа состояния дел в своей оккупационной зоне англосаксы были поражены количеством уцелевшего оборудования и пришли к выводу, что немецкая индустрия сможет очень быстро восстановиться).

Маловероятно, что нынешний Евросоюз станет всерьез рассматривать инициативу России. Если в 1945 году Запад проявил такую черствость и наглость, то сейчас, спустя 70 лет, ждать от них справедливости было бы наивным. Однако невыплаченные репарации должны стать для России настоящим аргументом во всех спорах и дипломатических переговорах, касающихся построения новых отношений в условиях разгорающейся холодной войны 2.0. Запад должен забыть о том, что русские забывчивы и незлопамятны, – Западу необходимо постоянно напоминать о его вине и о его несправедливости. И даже если он со свойственным ему лицемерием и высокомерием внутренне не примет данных обвинений, он должен ясно понимать, что Россия не забудет и

не простит предательства и обмана со стороны союзников в 1945 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.